

ОТ РЕДАКЦИИ

В декабре нынешнего года Виктору Ивановичу Ремизовскому, редактору нашего журнала, исполнилось бы 85 лет. Ах, как весело бы отпраздновали мы его юбилей! Виктор Иванович непременно угостил бы нас своим знаменитым холодцом (лучше него ни один человек в мире не готовил это, казалось бы, простое блюдо) и мороженым салом, которое лучше него тоже никто не солил. И спел бы оперным своим баритоном про бога Гименя («Пою тебя, о Гименей!»), и почитал бы свои любимые «гарики», а мы бы в ответ ему тоже стихи какие-нибудь сочинили, и спели бы, и даже сплясали, если б именинник того пожелал.

Видит Бог, мы любили Виктора Ивановича.

Нам его до сих пор не хватает, хоть со дня его смерти прошло уже более двух лет. Но — что удивительно — Виктору Ивановичу, в каких бы заоблачных высях сейчас ни витала его душа, похоже, тоже не хватает нас. Потому что иногда он передает нам приветы и делает подарки — оттуда.

Так, однажды мы нашли на его рабочем столе незаконченный материал — переписку со знаменитой переводчицей Норой Галь, который скромно назывался «Фрагмент». Постоянные читатели «ДВ», наверное, помнят, какая прекрасная получилась в итоге публикация. И так же, подарком с небес от Ремизовского, прилетела статья китайского профессора филологии Ли Ян Линя о Николае Байкове — основоположнике экологической литературы. Чудеса.

И вот когда мы стали думать, каким же материалом отметить 85-летие Виктора Ивановича, и пересмотрели оставшиеся от него статьи и книжки, вдруг снова случилось маленькое чудо: в одной затерянной папке, которую за два с лишним года никто ни разу не открыл, отыскалось начало автобиографической повести «Три деда и четыре бабы». Скорее даже не начало, а просто набросок. Тот самый «фрагмент». Но как узнаваемы интонация Виктора Ивановича, его улыбка, его откровенность и самоирония... Повесть, скорей всего, получилась бы замечательная, но человеческая жизнь, даже длинная и вполне состоявшаяся, слишком коротка, чтобы завершить все задуманное.

Он не успел.

Что ж... Спасибо ему и за этот коротенький текст.

Вечная вам память, дорогой Виктор Иванович!

ВСТУПЛЕНИЕ

Есть такая историческая наука — генеалогия. По теории этой науки у каждой нормальной особи должны быть одна мать, один отец, два дедушки, две бабушки и т. д. в возрастающей геометрической прогрессии со знаменателем, равным двум. Но ведь известно, что пути Господни неисповедимы,

* Фрагмент из повести.

и в нашем человеческом мире прямые пути развития встречаются крайне редко, в том смысле, что не встречаются никогда. Всегда найдется какая-нибудь загогулина, которая любой путь, чья прямизна предусмотрена высшими силами, делает кривым.

Так получилось и в нашей семье. Когда мои родители зачинали меня, будущей моей маме было всего шестнадцать, а будущему отцу — восемнадцать. Они, конечно же, безумно любили друг друга. Если бы нет, то разве я дожил бы до таких лет! Они очень крепко любили друг друга, и в результате этой любви получился я, дитя любви, умница и красавец и, по меркам нынешнего состояния России-матушки, жуткий долгожитель.

Однако известно, что чем крепче любовь, тем она недолговечнее. Нет, конечно, бывают исключения. У каждого правила они есть. Но эти исключения только подтверждают само правило. Я лично глубоко убежден, что если бы синьоры Монтеки и Капулетти дали Джульетте возможность стать женой Ромео, то этот союз был бы ничуть не длиннее, чем у моих родителей.

И появился я на свет Божий в конце декабря 1932 года в городе Днепропетровске, что на Украине. А на Украине в ту зиму бушевал жуткий голод, настолько жуткий, что нередки были случаи каннибализма, даже с поеданием собственных детей. Но меня мои родители не только не съели сами, но и не дали этого сделать другим. Они выходили меня розовеньким, здоровеньким, хорошеньким. Чего им это стоило, можно только догадываться.

Видимо, отголоском той, первой в моей жизни зимы было мое страстное желание кушать мел. Помню, я брал корочку хлеба, прятался за шифоньер и тер там ею о стену. Было мне тогда, наверно, около (не знаю, с какой стороны) трех лет. Побелка в те далекие, неиспорченные химией времена была абсолютно безвредной и даже, как оказалось, полезной.

Однако, вопреки советской пропаганде, трудности не укрепили нашу семью, а, наоборот, привели ее к полному распаду. Случилось это в 1934 году, когда мне едва минуло полтора годика. Моей молодой маме в июне того года только-только исполнилось девятнадцать. Она была чертовски хороша собой, прекрасно пела, каталась на коньках, прилично писала акварелью и красками. Короче, в любой компании, в любом обществе она была на виду. И немудрено, что в тот же год она снова вышла замуж, причем человек, который ее взял, взял нас обоих и даже усыновил меня, подарив мне свою фамилию.

Так вот и получилось, что у меня стало три деда: один дед — отец моего отца, второй дед — отец моей матери и третий дед — отец отчима. Конечно же, распутать этот гордиев узел мне удалось только в зрелом возрасте, когда мои деды стремительно и дружно стали покидать этот мир.

Дактилоскописты давно установили, что все люди разные, у каждого человека свой неповторимый узор кожи на пальцах и, по-видимому, в других местах тоже. Теперь вот доказано, что и уши у нас у всех разные, и глаза разные. То есть, несмотря на кажущуюся похожесть, мы все разные.

И три моих деда тоже были очень разными людьми, у них было много различий и разностей. Да-да, я знаю, что в Одессе говорят — «две большие разницы», и это, дескать, безграмотно...

Прежде чем рассказывать о своих дедах, надо назвать их по именам и решить, в каком порядке расставить в моем повествовании. Деда по матери звали Владимиром Филипповичем Зайцевым, по отцу — Владимиром Викентьевичем Тржасковским, по отчиму — Карпом Савельевичем Ремизовским.

Сложнейший вопрос, в каком порядке вести повествование. Если по общественной значимости моих дедов, то — Тржасковский, Зайцев, Ремизовский. Если по их

образованности, то — Зайцев, Тржасковский, Ремизовский. А если по житейской мудрости, то, пожалуй, — Ремизовский, Тржасковский, Зайцев. И так далее. Ясно, что это не решение вопроса. Очевидно, надо остановиться на любви ко мне, а в этом случае — Зайцев, Ремизовский, Тржасковский. На этом и остановлюсь.

Глава 1. ДЕД ПО МАТЕРИ

Владимир Филиппович Зайцев.

Дедушка родился двадцать пятого июня 1894 года в семье артельного старосты на Екатерининской железной дороге Филиппа Михайловича Зайцева. В нашей семье поговаривали, что прадедушка укрывал у себя каких-то революционеров. Так ли это, не знаю. Правда, в толстенной книге по истории днепропетровской партийной организации упоминается некий Ф. Зайцев, но действительно ли это мой прадед, точно установить невозможно. Да и зачем? Просто чтобы показать, что мой прадед был общественно равнодушным человеком?

Прабабушка моя, Степанида Захаровна, рожала двадцать два раза. Вырастила восьмерых. В том числе и моего деда. Дедушка рассказывал, что в детстве был настоящим хлюпиком. Я слушал и не верил, потому что видел его высоким, подтянутым, сильным.

В 1910 году дедушка поступил в железнодорожное техническое училище и окончил его в 1914 году. Об этой поре своей жизни дедушка рассказывал мне очень много. Запомнились два момента:

Паровоз.

Солдат.

Глава 2. ДЕД ПО ОТЧИМУ

Дедушка Карп Савельевич Ремизовский (18??–1946), бабушка Ульяна Григорьевна, в девичестве Литвин (18??–1952).

Лето то ли 1938-го, то ли 1939 года я провел в селе Березовка Коростышевского района Житомирской области, что на Украине, у родителей моего отчима, который меня усыновил.

Удивительное, интересное это чувство — ностальгия. Ведь фактически в этом селе у меня не было прямых родственников. Но это мое второе пребывание у деда и бабы (а первого я по молодости лет вообще не помню) запомнилось навсегда отдельными мазками и эпизодами. Скорее всего потому, что это была часть моего неповторимого детства. Моего!

Несомненно, что в то лето были у меня и обиды, и слезы, и сбитые коленки. Но все это забылось (кроме, каюсь, уколов стерни в босые ноги). И кажется мне теперь, что там, в Березовке, было изумительно хорошее, интересное и веселое время.

Цельного воспоминания об этом периоде жизни у меня нет, а отдельные мазки да эпизоды — так вот они!

Хорошо помню топографию возле дома деда и бабы. Вот выхожу я из хаты — передо мною двор. Справа калитка — вход в огород, и здесь же стоит телега. Слева большой длинный сарай, крытый соломой. На коньке крыши гнездо лелеки, журавля. Наличие журавлиного гнезда на крыше — признак благополучия.

Впереди, сразу за двором, спуск к ставку. Я перехожу двор и иду к воде. Слева в ставок впадает слабый ручеек, собирающий влагу с большой луговины, за которой

вдали синее лес. Справа — дамба, через которую проходит главная дорога в село. Сразу же за дамбой большая белая мельница. Поворачиваю направо и иду вдоль ставка к дамбе. Прохожу мимо соседского двора, где живут два пацана постарше. Я вообще был самый маленький в ватаге мальчишек, собиравшейся в этом районе.

Если перейти дорогу, то справа от мельницы почти сразу же начинается большой колхозный сад. Охранялся он из рук вон плохо, и даже я, малолетка, ни разу не попался, хотя драпать приходилось не раз.

Если пойти по дороге направо, слегка на подъем, то вскоре выйдешь на большое поле. В мое время там росло что-то зерновое. Никогда не забуду острую болючую стерню и копны соломы по всему полю. Помню, как в один из вечеров, сидя под копной, девчата пели что-то такое душещипательное, что даже мне, шестилетке, было тревожно, грустно и в то же время очень хорошо. Тот вечер, лирический настрой невероятной душевной силы и слаженное девичье пение остались во мне навсегда. Это одна из картинок моей родины, которую я пронес через всю жизнь.

Однажды мы с бабушкой ходили в лес, что синел вдали, за сосновыми иглами для топки. Иглами мы набивали большие мешки, которые на Украине называют лантухами. А затем на тачке тащили их домой. Не помню, чтобы с нами был кто-то из своих. Так что все легло на бабушкины коричневатые мозолистые руки. А вот кто-то из соседей был — потому что так далеко удаляться от своего дома было небезопасно.

В доме у деда и бабы была большая русская печь. Топили ее соломой, киззяками и сосновыми иглами. Помню, как бабушка длинным ухватом ворочала чугунные казаны в печи. Следует заметить, что киззяками называли высохшие «лепешки» коровьего помета, а не высохшие кирпичи из навоза, как сказано в «Словаре русского языка». В сборе этих «лепешек» я тоже принимал посильное участие.

Всю жизнь я любил толченый на кислом молоке, или простокваше, картофель. Никому в моей семье это блюдо не нравилось, потому что «кислило». А пошло это у меня от березовских деда и бабки. Как-то на завтрак бабушка отварила картофель и поставила здоровенную миску с дымящимися клубнями посреди стола. Потом достала из погреба глечик кислого цельного молока и налила в мою тарелку. И вот я беру дымящуюся картофелину и — в тарелку с холодным кислым молоком. А потом, обжигаясь, тащу ее в рот и тут же гашу жар во рту молоком. Вкуснотища!

Может быть, поэтому уже взрослым мне нравилось есть мороженое соленое сало и запивать его сладким горячим чаем.

Однажды, когда мы с пацанами возились на нашем берегу ставка, на той стороне, где были какие-то колхозные посадки, раздался отчаянный девичий крик. Потом еще и еще. Но никто из взрослых, а они откуда-то тут же собрались на берегу, не побежал спасать несчастную. Между собой, посмеиваясь, они говорили, что это председатель колхоза шупает — далее называлось имя, которого я не запомнил. Много позже, повзрослев, я понял: девка кричала специально, чтобы известить село, что за ней ухаживают. И не кто-нибудь, а сам председатель!

Раза два за свою короткую шестилетнюю жизнь я видел, как моя мама писала. Она приседала и так далее. Поэтому мне было удивительно увидеть, как делает это бабушка. Мы с ней возились на огороде — кажется, копали картошку. Но вот бабушка выпрямилась, слегка расставила ноги, и из нее полилась струйка. Без приседа. Меня это так удивило!

Здесь, в селе, я научился кое-каким забавным вещам.

1. Делать из двух соломинок, толстой и тонкой, «кузнечика». А потом соревноваться — чей «кузнечик» сильнее.

2. Невероятно далеко швырять картофелину, насадив ее предварительно на прут. Своеобразная праща.

3. Вырезать из кабака человеческое лицо, предварительно удалив содержимое. Потом, когда стемнеет, внутрь ставилась свеча, и в темноте это выглядело весьма впечатляюще.

4. Делать свисток из лозы. Берешь ветку толщиной около сантиметра, отрезаешь кусок длиной сантиметров десять. Потом на расстоянии примерно двух сантиметров от конца делаешь надрез кожицы. По отрезанному кусочку слегка постукиваешь, пока кожица не отстанет от сердцевины. Снимаешь ее, вырезаешь на сердцевине ямку, вновь надеваешь кожицу, напротив ямки в кожице делаешь небольшое отверстие — и свисток готов. При желании можно сделать так, чтобы верещал по-милицейски. Несложно.

Я был малец и все время находился под присмотром бабушки, поэтому деда почти и не помню. По-моему, он работал в колесной мастерской, которая была где-то слева от мельницы. В те времена главным, основным и единственным видом транспорта в деревне была телега, а колеса были ее главной составной частью. Они состояли из металлической втулки, которая надевалась на ось, деревянных спиц, деревянного же обода, на который надевался железный обруч. Деревянные части колес очень быстро изнашивались. А дедушка, видимо, был великим колесным мастером.

И, наконец, там, в селе, произошел случай, который мог сделать меня калекой на всю жизнь, а то и убить насмерть. Однажды пацаны мне сказали, что надо погнать двух коней, которые паслись на луговине, и дали мне длинную ветку. Откуда я мог знать, как это опасно? Я подошел к лошадям сзади, стал что-то вякать и размахивать веткой. Одна из лошадей решила меня проучить и выбросила копыта. Но мой ангел-хранитель был начеку: копыто, долетев до моей правой щеки, — о чудо! — лишь чуть дотронулось до нее и пошло в обратный ход. Но я миг понял, что это значит. И хотя в моей дальнейшей жизни мне многократно приходилось иметь дело с лошадьми, однако не то что дружбы, даже взаимопонимания с ними у меня никогда не было...

